

*Дарья Кунильская
(Петрозаводск)*

**ПОЭТИКА «ИДЕАЛЬНОГО»:
АНТИЧНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИИ
В РОМАНЕ «ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС»
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА**

Рассматривается вопрос о взаимодействии античной и христианской мирозерцательных традиций в романе К.Н. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес». Христианские идеи Леонтьев транслирует через образы греческих героев. Античная традиция представлена в общей панэстетической установке художественного произведения. Противопоставление двух традиций в тексте обнаруживает себя в оппозиции «икона – картина». В статье особо отмечается связь христианской и античной традиций, которая оказывается важнее их противопоставления. Делается вывод о взаимовлиянии двух культурных идеалов, проявляющемся в формировании поэтики романа «Одиссей Полихрониадес».

Ключевые слова: античная традиция, язычество, христианство, художественный текст, «идеальный» герой, К. Н. Леонтьев, «Одиссей Полихрониадес».

Тема пересечения античной и христианской традиций в каком-либо произведении русской литературы не является новой, однако актуальности своей не теряет. Это всегда особый сюжет, представляющий огромный интерес для филолога. Иллюстрацией нашей мысли может послужить творчество К.Н. Леонтьева (1831 – 1891). Мы обратимся к малоизученному наследию мыслителя – его художественным произведениям. Важно отметить, что сам

автор наряду с известной работой «Византизм и славянство» лучшей своей «вещью» признавал большой роман «Одиссей Полихрониадес»² (1873–1878). Роман входит в цикл «Из жизни христиан в Турции» (1868–1882), в нем повествуется о загорском юноше Одиссее (в фокусе повествования один год из его жизни).

В свете истории создания романа становится интересным совмещение античной и христианской традиций в тексте. С одной стороны, в романе, безусловно, силен элемент дидактизма, учительства. О.Л. Фетисенко отмечает особый колорит, благочестивую атмосферу, которая царит на страницах романа: «В романе всё — впервые так явно у Леонтьева — пронизано мыслью о Промысле Божиим. Появляются ссылки на святых отцов (мир, открывшейся Леонтьеву на Афоне), евангельские цитаты и реминисценции. Описываются церковные службы...» [18, с. 104]. С другой стороны, в романе сама действительность греческого быта, эстетически преобразованная, отсылает нас к античной традиции. Этот факт не ускользнул от исследователей, писавших о цикле. Отец С. Булгаков описывал греческий мир как «великолепные полотна с картинами восточной жизни» [9, с. 377], стихией Леонтьева называл языческую его «чувственность, с которой он влюблен был в мир форм безотносительно к их моральной ценности» [9, с. 378]. Резкое противопоставление двух культурных традиций находит свое отражение в воплощении идеального начала. Безусловно, мы отнесем сюда особый тип положительного героя Леонтьева. Заметим, что концепцией идеального героя тем не менее не исчерпывается то изображение прекрасного по сути и по форме бытия, которое предлагает в «Одиссее Полихрониадесе» автор.

В романе идеальным героем становится русский консул Александр Благов: он производит большое впечатление на греческого юношу. Образ Благова в художественном пространстве романа раскрывает тип «исключительного» героя Леонтьева — «более изящного», «более героического» [3, с. 73]².

¹ «Я две самые лучшие свои вещи, роман и не-роман («Одиссея» и «Византизм и славянство»), написал после 1 ½ года общения с афонскими монахами, чтения аскетических писателей и жесточайшей плотской и духовной борьбы с самим собою» [6, с. 70].

² О Благове К.Н. Леонтьев высказывается следующим образом: «А молодого русского консула — светского человека и художника по натуре, которого многие любят в книге и которого я сам люблю, — изобразить трудно по противоположной причине: слишком легко впасть в безличную идеализацию своих собственных хороших чувств, приятных воспоминаний и даже некоторых из тех хороших свойств, которые автор знал и сознавал в самом себе.

Я вовсе не хочу нападать на несколько безличную и возвышенно бледную идеализацию; напротив того, она, пожалуй, и есть художественный идеал

Данный характер в романе разрабатывается в легендарном контексте. Благов появляется в воспоминаниях Одиссея. Греческий юноша согласно авторской воле моделирует образ русского консула по своему — для юного Одиссея Благов безусловный герой³. И. Б. Роднянская поясняет, что идеальный герой такого рода — «это не келейный образ, не интимный образ» [17, с. 259], такому герою необходима широкая огласка.

Положительное начало в Благове выражается прежде всего его охранительной деятельностью. Приведем пример из текста романа. Благов дарит икону с образом Воздвижения Честного Креста пильщикам «на самых дальних загорских высотах», что воспринимается другими консулами как проявление панславизма. Комментаторы полного собрания сочинений К. Н. Леонтьева выдвинули предположение, согласно которому консулов и турецкое правительство могли смутить изображенные лики свв. Константина и Елены: «Это казалось им знаком симпатии к “великой идее” возрождения Византийской империи» [2, с. 1001]. По преданию «мать Константина, св. равноапостольная Елена, отправилась по просьбе царственного сына в Иерусалим, чтобы найти места, связанные с событиями земной жизни Христа, а также святой Крест, чудесное явление которого стало для св. Константина знаком победы над противником» [10, с. 160]. Этим поступком матери определяется сила «исключительного» героя. Скрытый намек на восстановление новой культуры проиллюстрирован через действие русского консула. Храбрость и дальновидный расчет, проявленные волевым поступком дарения иконы, создают определенную репутацию консулу среди православного населения Янины. В воспоминаниях об Аполлоне Григорьеве Леонтьев заметил: «Каково бы ни было направление, лишь бы окончательная форма его была *своя, наша* и дышала бы силой!» [3, с. 15]. Образ Благова воплощает идеал Леонтьева, в котором форма отражает (выражает) внутреннее содержание: «Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании)» [4, с. 382]. Сила, согласно Леонтьеву, придает форму положительному направлению: «Надо крепить себя, меньше думать о *благ*е и больше о

мой, по естественной реакции против гадкой и грубо осязательной мелочности, в которую впадает большинство лучших писателей нашего времени (особенно англичане и русские, французы теперь лучше). Но... Мадонна, почти иконописно идеализированная хоть бы кистью Ingres'a, была бы вовсе не на месте на хорошей реалистической картине Ге. Ее надо изобразить особо, на другом полотне. Вот это все надо обдумать, обсудить, схватить и поскорее написать...» [6, с. 74].

³ Ю. П. Иваск считал, что образ Одиссея — это «зеркало, подставленное Леонтьевым перед своим "автоидеалом" Благовым» [12, с. 378].

силе. Будет сила, будет и кой-какое благо, возможное» [4, с. 436]. Интересно отметить семантическое сближение слов «вера» (Благов является защитником веры православной среди иноверцев — мусульман) и «верность». «“Вера” и “верность” — одно и то же, — отмечал С. С. Аверинцев. — Выраженная в сакральном знаке “тайна” есть в христианской системе идей... военная тайна, сберегаемая от врагов. На место мистериально-гностиической оппозиции “посвященные — непосвященные” заступает совсем иная оппозиция “соратники — противники”; в число последних включены “враги зримые и незримые” — люди и бесы. Для онтологического нейтралитета не остается места» [8, с. 130]. Образ идеального героя вводит в роман мотив борьбы, битвы, который присутствует в художественных произведениях Леонтьева разных периодов. В раннем романе «В своем краю» (1858—1863) один из главных героев Милькеев говорит о необходимости борьбы в целом. «Широкое поле борьбы»⁴ необходимо человечеству для того, чтобы развиваться.

Война, по мнению Леонтьева, — процесс грозный и величественный: «Война есть дело великое, глубоко связанное со всем тем, что есть высокого и творческого в человечестве, с религией и государственной истиной, с поэзией наконец» [7, с. 234]. В романе воинственность пересмысливается онтологически, мотив войны сопряжен с темой невидимой брани. Взрослый Одиссей, размышляя о патриархальности, преемственности греков, сравнивает повседневную жизнь людей с полем битвы: «И разве не во всеоружии того бранного доспеха, которым одеть и покрыть нас может одно лишь учение церковного аскетизма (ибо оно не от мира сего), должны мы выходить на шумное состязание этой всюду сияющей и вечно томительной жизни мирской?» [2, с. 320]. Невидимая брань связана с постоянной внутренней борьбой. «Подвиг — а с ним и Праксис, — пишет С. С. Хоружий, — начинается покаянием. <...> Покаяние есть борьба со страстями, знаменитая “невидимая брань” подвижника. Здесь ярче всего выступает аспект борьбы, битвы, исконно связывавшийся с понятием аскезы» [19]. Образ «обворожительного и лживого идеала» [2, с. 320] из стихотворения А. С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (аллюзия на эту цитату появляется в речи Одиссея) символизирует искушения и страсти обыденной жизни. Этот идеал требует от человека постоянного сопротивления. Ему Одиссей противопоставляет Закон⁵, то есть истинное христианст-

⁴ «Необходимо страдание и широкое поле борьбы. <...> Я сам готов страдать, и страдал, и буду страдать. <...> И не обязан жалеть других рассудком. <...> Идеал всемирного равенства и покоя? Избави Боже!» [1, с. 152].

⁵ «Одни скучные речи нравственного долга не могут овладеть беспокойным сердцем нашей юности и бушующей плотью молодчества нашего, когда нет

во (взрослый Одиссей называет себя приверженцем истинного христианства, «которое иные зовут “мистическим”, без всякого прямого отношения к земному блаженству всего рода человеческого» [2, с. 244]⁶.

Описывая приемную консула, Одиссей отмечает интересную деталь: «В углу висела икона Спасителя, кроткий лик, светлый, молодой и, однако, еврейский; икона была вся в золоте и почернелом серебре... <...> А на другой стене, между дверцами резных шкапов, висела одна только большая картина: три полуобнаженных женщины, полные, все белокурые и, по-моему, не очень красивые, стояли и сидели под тенистым деревом» [2, с. 314–315]. Резкое противопоставление изображений создает в тексте напряжение, возникающее между двумя культурными традициями, а расположение (напротив друг друга) порождает особый визуальный ряд. Читатель «видит» всю обстановку вместе с Одиссеем – акцентируется зрительный аспект восприятия⁷.

над главами нашими еще иного закона. Когда нет такого закона, который не требует ежеминутного разумного согласия с нашей стороны (ибо при внутренней изменчивости самой сильной души человеческой, что веки, скажи, утвердится на ней?), а говорит нам только: "Повинуйся, ибо Я так сказал!.."» [2, с. 320].

⁶ Понятие «истинного христианства» значимо для К.Н. Леонтьева. Он возвращается к нему неоднократно, поясняя, что вмещает в себя данное определение. См., например:

Знание истинного духа христианства ныне так мало распространено!

Доброта, прощение, милосердие... Они взяли лишь одну сторону евангельского учения и зовут ее существенной стороной! – Но аскетизм и суровость они забыли? – Но на гневных и строгих Божественных словах они не останавливались? – О том, что Иоанн Предтеча, у которого Спаситель крестился, был монах в высшей степени, они не знают? – О сорокадневном посте Самого Христа в пустыне они не думают? – О догмате греха первородного, о духе тьмы, о догмате Троицы христианской они молчат; а это все есть в Евангелии и в апостольских письмах.

Нельзя, принимая святость Евангелия и божественность Христа, отвергать одно место в книге и выбирать по вкусу другие. – Все мягкое, сладкое, приятное, облегчающее жизнь принимать, а все грозное, суровое и мучительное отвергать как несущественное.

Религия всепрощения; – да! – Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим [4, с. 144].

⁷ Свящ. И. Фудель вспоминая друга-учителя, раскрывал особенность творчества Леонтьева:

К. Леонтьев есть прежде всего художник мысли, как он сам часто любил называть себя. Он мыслит образами, и яркие картины, которые могли бы служить хорошей иллюстрацией доказанной мысли, очень часто заменяют ему всякие логические доказательства. В этом и сила, и слабость К. Леонтьева; сила – потому что художе-

Полотно «Суд Париса» в покоях русского консула олицетворяет античную традицию, шире — языческое начало, по аналогии икона являет начало христианское, православное.

Способ представления иконы в художественном произведении достаточно оригинален: нигде в тексте объемного романа не упоминается о молитвенном предназначении иконы, другими словами, нигде не говорится о молитве перед иконою. Конечно, следует помнить, что и сам Благов показан глазами грека Одиссея. Леонтьев же считал, что разница между религиозным чувством греков и русских достаточно велика. Если для «русского поэта» религия — «икона древняя полустертая, пред которой в ночи горит лампада болезненной любви», то для грека это «хоругвь торжественная» [4, с. 471]. Сокровенность русского восприятия христианства в романе передана образу идеального консула. Одиссей, вспоминая сцену ожидания Зельхи, выразительно описывает поведение Благова. В этой сцене мы вновь видим икону Христа, принадлежащую Александру Благову. В минуту отчаяния консул «разглядывает образ Спасителя в углу». Далее следует описание самого консула, каким он виделся Одиссею: «Теперь я видел ясно его строгий профиль, его немного длинный и жесткий выражением подбородок!» [2, с. 786]. Одиссей здесь представлен как объективный повествователь, которому свойственно абсолютное знание о происходящих событиях. Герой Благова очень мало характеризуется автором через слово: он показан глазами Одиссея. Значимость визуальной доминанты раскрывает сам Леонтьев, считавший, что «картины в жизни... не просто картины для удовольствия зрителя; они суть выражение какого-то внутреннего, высокого закона жизни — такого же нерушимого, как и все другие законы природы» (цит. по: [5, с. 588]). В описании вышеуказанной сцены подчеркивается благородный вид консула (заложив руки за спину, но все так же гордо... все так же твердо ступал он), его одежда («сирийский бурнус с золотыми затканными пальмами») [2, с. 786]. Идеализация образа Благова доводится до предела: возникает эффект пластичности всей представленной картины. Именно эта сцена знаменует точку наивысшего напряжения, которое создают две традиции, христианская и языческая. Пластичность «как тип духовной жизни» «дарует небывалую красоту в искусстве, всю эту благородную, величавую блаженно-равнодушную, холодноватую и чуть-чуть меланхолическую античную скульптуру» [14, с. 88]. В красоте идеального героя Леонтьева невозможно не отметить неко-

ственное чутье вводит его на ту высоту познания, которая недоступна логическому анализу; слабость же заключается в том, что эта особенность К. Леонтьева мешает правильному пониманию его мыслей [16, с. 160].

торое отвлеченное начало, о чем говорит и сам Одиссей, наблюдающей за своим наставником. Герой не молится — разглядывает икону. Однако икона открыта для Благова, он способен созерцать, осознавая всю значимость божественного лика⁸.

Одиссей видит Благова в непривычном для него свете: «Он хотел быть красивее, он хотел понравиться, хотел, чтобы не одно золото... <...> И чем благороднее был его вид, тем стыднее и даже страшнее мне становилось за него, когда я думал, как жестоко отомстила ему за меня эта Зельха! <...> Она отвергала его самого и бежала ко мне...» [4, с. 785—786]. Происходит развенчание утрированной идеальности героя. Возникает вопрос, почему Леонтьев допускает подобное, какую цель преследует? Тот самый Благов, который и в убийце видит нечто прекрасное⁹, который отрицает брак¹⁰, в конце романа предстает униженным, отвергнутым. Леонтьев в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (1887—1888) в своей манере высказал интересную мысль о том, что «великому народу» можно обойтись «без этих Толстых», «а без Вронских мы не проживем и полувека. Без них и писателей национальных не станет; ибо не будет самобытной нации» [8, с. 306—307].

Благов — это явный представитель того же жизненного типа, что и Вронский, являющий сильное, пышное начало. Обратим внимание на характеристику, данную Одиссеем на следующий день после увиденной сцены: консул был «светел, ровен и тих» [2, с. 790]. Впервые в тексте романа «исключительный» герой олицетворяет не гордое героиче-

⁸ В отличие, например, от героев Л.Н. Толстого. В статье «Икона и русская литература XIX века» В.В. Лепяхин доказывает, что икона была «закрыта» и для самого Толстого: «Писатель оказался совершенно нечувствителен к духовной мистической красоте иконописных ликов. <...> Писатель жил активной жизнью, много читал и писал. Но тем не менее великий художник прошел мимо величайшего художественного явления русской культуры» [13, с. 110—149].

⁹ Вот как Благов отзывался о турецком убийце православных греков: «Я сначала выписал бы из Италии живописца, чтобы снять с него портрет, а потом повесил бы его...» [2, с. 183].

¹⁰ «Для меня, к несчастью, это непостижимо. Эта фамильярность, эта близость. Эти какие-то права какой-то женщины на меня!.. Этот неопрятный, отвратительный сон в одной комнате!.. Эти смешные разъезды с визитами вместе... Вот, смотрите все: “мы муж и жена”!.. Я не могу без отвращения видеть какого-нибудь умывальника общего в супружеском доме. Я не знаю, какими роскошными и раззолоченными чертогами надо окружить себя, чтоб эта проза была сносна для меня!.. К тому же я не влюбчив, и как скоро любовь принимает какой-то нежный характер, так я, кроме отвращения, ничего не чувствую!.. [2, с. 560].

ское начало, скорее можно указать на обратное — снижение, умаление художественного образа. Благов перестает быть идеальным героем для Одиссея, консул уезжает из города. В свою очередь загорский юноша становится купцом¹¹, влиятельным членом патриархального греческого общества. Леонтьев высказывал неоднократно свое резко отрицательное отношение к греческим архонтам: «Общество же высшее, руководящее, обученное, надевшее вместо великолепных восточных одежд плохо скроенный, дешевый европейский сюртук прогресса — хуже нашего русского общества; оно ниже, грубее, однообразнее, скучнее» [2, с. 8]. После того как Благов уезжает из города, Одиссей надевает европейское платье и по настоянию отца едет в греческое село взимать долги со своих соотечественников, становится деловым человеком: «Я был купец, я был “мошенник, изверг”, каким следует быть мужчине... я был тем Понтикопечи, которого Благов так безжалостно изгнал лишь одним мановением руки... и который мне самому казался довольно смешным» [2, с. 809]. Таков эпилог романа, оставшегося незавершенным.

Резюмируя, скажем еще раз: идеальное начало Леонтьева воплощено отнюдь не только в образе Александра Благова. Живое благочестие самобытной патриархальной культуры, положительная религия, охранительное начало — все эти идеи Леонтьев транслирует через образы греческих героев. Античная традиция представлена иначе — в общей панэстетической установке¹². Интересно то, как воспринимается Античность героями романа. Во-первых, не подвергается сомнению сам факт существования античных богов (согласно церковной традиции они предстают демонами). Не являются демоны человеку по его маловерию, потому что «ослабели силы, ослабела вера. Теперь злым духам-искусителям выгоднее не являться воочию... <...> Явись маловерному человеку или безбожному демон воочию... и пойми он, что это демон, он после этого станет верить всему доброму крепче» [2, с. 321]. Леонтьев в письме к И. И. Фуделю (6 июля 1888 года) вспоминает ответ духовника-монаха на вопрос «отчего государственно-религиозное падение Рима при всех ужасах Колизея, царубийств, само-

¹¹ Отъездом консула заканчивается третья часть, следующая имеет говорящее название «Я купец!».

¹² «Эстетические категории (красота, гармония, мера) в античные времена считались не только характеристикой и эталоном произведения искусства или явления природы, но и формообразующими принципами как природы в целом (космос), так и общественной жизни (полис). По этой причине совокупный комплекс эстетики не представлял собой в Античности нечто замкнутое и обособленное...» [20, с. 665 — 666].

убийств и при утонченно-сатанинском половом разврате имело в себе, однако, так много неотразимой поэзии, а современное демократическое разложение Европы так некрасиво, сухо, прозрачно?»: «Бог — это свет, и духовный, и вещественный, свет чистейший и неизбираемый... Есть ложный свет, обманчивый. Это свет демонов, существ, Богом же созданных, но уклонившихся, как вам известно. Классический мир и во время падения своего поклонялся хотя и ложному свету языческих божеств, но все-таки свету... А современная Европа даже и демонов не знает. Ее жизнь даже и ложным светом не освещается» [6, с. 391]. Символика света в христианстве очень сложна. Согласно Дионисию Ареопагиту, «красота боголепная, неразложимая, благая... не терпит никакого смешения ни с каким неподобием; и все же она способна уделять каждому, по достоинству его, долю некоего света и каждого приводить... к созвучию с ликом своим неизменяемым» [11, с. 1–2].

С такой точки зрения, преображающий свет (см.: [15, с. 163–177]) соотносится с каждым божественным творением. Благое неслучайно кажется Одиссею «светлым, тихим, покойным», потому что «страстные силы души оказываются не умерщвленными, но преображенными», а благодатное состояние распознается «как радость, мир, внутреннее тепло, свет» [15, с. 169].

Античная традиция в романе «Одиссей Полихрониадес» связана, таким образом, с ее христианским осмыслением. В свете традиции православной Античности в тексте выступает как часть воплощения идеального начала. Соответственно, своеобразный симбиоз двух вышеназванных традиций воплощает то «идеальное» начало, которое выразил К. Н. Леонтьев в своем художественном произведении.

Список литературы

1. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 7–327.
2. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2002. Т. 4.
3. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2003. Т. 6 (1).
4. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2005. Т. 7 (1).
5. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2006. Т. 7 (2).
6. Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 586–589.
7. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.
8. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 1997.
9. Булгаков С. Н. Победитель — побежденный // К. Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 376–392.
10. Диакон Михаил Желтов, Лукашевич А. А. Событие обретения св. Креста // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 160.

11. Дионисий Ареопагит. О божественных именах, о мистическом богословии. СПб., 1995.
12. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831 – 1891). Жизнь и творчество // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 2. С. 229 – 686.
13. Лепяхин В. В. Икона и русская литература XIX века // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 110 – 149.
14. Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.
15. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви: Догматическое богословие. М., 1991.
16. Протоиерей Иосиф Фудель. Культурный идеал К.Н. Леонтьева // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 160 – 180.
17. Роднянская И. Б. Лирический герой // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 258 – 262.
18. Фетисенко О. Л. Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX века – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 98 – 113.
19. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М., 1998. URL: http://azbyka.ru/dictionary/01/horuzhiy_k_fenomenologii_askaey_01-all.shtml (дата обращения: 28.09.2015).
20. Эстетика // Словарь античности / редкол. В.И. Кузиншин (отв. ред.) [и др.] ; сост. Й. Ирмшер в сотрудничестве с Р. Йоне ; пер. с нем. М., 1989. С. 665 – 666.

Darya Kunil'skaya

POETICS OF THE 'IDEAL': THE ANCIENT AND CHRISTIAN TRADITION IN K. N. LEONTYEV'S NOVEL ODYSSEUS POLYCHRONIADES

This article examines the interaction between ancient and Christian world-view traditions in K. N. Leontyev's novel Odysseus Polychroniades. Leontyev expresses Christian ideas using images of Greek heroes. The ancient tradition is represented in the pan-aesthetic attitude of the literary work. In the text, the two traditions are compared using the 'icon – picture' opposition. The article stresses the connection between Christian and ancient tradition, which proves to be more important than differences between them. It is concluded that two cultural ideals affecting the formation of the novel's poetics have major influence on each other.

Key words: *ancient traditions, paganism, Christianity, literary text, 'ideal' hero, K. N. Leontyev, Odysseus Polychroniades.*